

Ирина Бетко
University of Warmia and Mazury
in Olsztyn
iryna.betko@uwm.edu.pl
ORCID: 0000-0002-8930-7476

POZNAŃSKIE STUDIA SLAWISTYCZNE
NR 27 (2024)
DOI: 10.14746/pss.2024.27.14

Data przesłania tekstu do redakcji: 20.04.2024
Data przyjęcia tekstu do druku: 28.08.2024

Типологические параллели мотивов дня рождения и дня смерти автора в творческом наследии Леси Украинки и Марины Цветаевой

ABSTRACT: Betko Iryna, *Typological parallels of motives of the author's birthday and death day in the creative legacy of Lesya Ukrainka and Marina Tsvetaeva*, "Poznańskie Studia Slawistyczne" 27. Poznań 2024. Wydawnictwo "Poznańskie Studia Polonistyczne," Adam Mickiewicz University, Poznań, pp. 277–296. ISSN 2084-3011.

The article is devoted to a comparative analysis of motives of the author's birthday and death day in the creative legacy of Lesya Ukrainka and Marina Tsvetaeva. The methodology is determined by the use of sources representing symbolic biographies of modernist writers. The paradigm of Lesya Ukrainka's biography is set by the motif of *unlucky* birthday. The motif of a bitter fate in connection with the author's birthday is heard in the final text of the cycle *Poems about Moscow* by Tsvetaeva. The placement of accents of life and death in this cycle allows us to consider it in the general typological series with Lesya Ukrainka's poem *Contra spem spero!* The fourth text of Tsvetaeva's cycle is marked by the paths of protest against death. It echoes the poem by the Ukrainian writer, *Do you remember, when I said...* The research reveals a panorama of typological parallels in the context of the life and creativity of two outstanding writers.

KEYWORDS: Lesya Ukrainka; Marina Tsvetaeva; creative legacy; typological parallels; motives of the author's birthday and death day

This is an open access article licensed under the Creative Commons CC BY 4.0 License (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>). © Copyright by the Author(s).

Изучение творческого наследия Леси Украинки (Ларисы Косач-Квитки, 1871–1913) предусматривает типологическое соотнесение различных его аспектов с произведениями самых ярких представительниц европейской литературы. Историко-литературный диапазон привлекаемых имён при этом довольно широк, начиная от овеянной легендами Саффо (Сафо, ок. 630–572 или 570 до Р. Х.), которой украинская писательница посвятила своё раннее стихотворение (*Сафо*, 1884) и начало незавершённой драматической поэмы последних лет жизни (*Саффо*, 1912–1913), и кончая её современницами. Среди них – Гертруда Стайн (1874–1946), Вирджиния Вулф (1882–1941), Марина Цветаева (1892–1941), а также Анна Ахматова (1889–1966) и Мария Павликовска-Ясножевска (1891–1945) (Гундорова, 2022, 193–194; Бетко, 2000, 61–66; Nikadem-Malinowska, 1995, 93–94).

В плане дальнейшего углубления контекста компаративного анализа весьма плодотворный материал усматривается в парадигмах жизни и творчества Леси Украинки и Цветаевой. Подобное сопоставление, насколько нам известно, объектом специального всестороннего исследования до сих пор не стало. Авторство же самой его идеи принадлежит Ниле Зборовской (1962–2011). По признанию учёной, одним из источников, вдохновивших её на создание психоаналитического эссе *Моя Леся Українка* (2002), стал автобиографический очерк Цветаевой *Мой Пушкин* (1937). Об этом она не только упоминает во вступлении¹, но и каждый фрагмент своей книги предвосхищает близким по духу цветаевским эпиграфом (Зборовська, 2002, 13, 17, 47, 63, 75, 83, 96, 112, 123, 152, 169, 194, 204). Однако, рассуждая о перипетиях биографии Леси Украинки, непосредственные параллели с судьбой Цветаевой Зборовская проводит лишь дважды, да и то мимоходом (Зборовська, 2002, 25, 74).

1 См.: «Со времён учёбы в университете в моей памяти сохранилось неизгладимое воспоминание о прочитанном в студенческие годы эссе Марины Цветаевой *Мой Пушкин*. (...) Помня о [тексте] Цветаевой, я мечтала, что когда-нибудь напишу эссе под похожим интимным заглавием, которое будет не воспоминанием, а *состоянием души*...» (Зборовська, 2002, 8). Здесь и далее перевод с украинского осуществлён автором статьи.

Развивая идею Зборовской, необходимо отметить, что подобных параллелей, носящих типологический характер, в жизни и творчестве обеих писательниц прослеживается гораздо больше. Назовём лишь некоторые из них. Леся и Марина происходят из интеллигентных многодетных семей, обе уже в четыре года научились читать, что стало важным источником их самообразования. Знали по несколько иностранных языков, отдавая дань разным жанрам искусства перевода. Имея незаурядные музыкальные способности, обе волей судьбы стали не пианистками, а поэтессами, причём стихи писали с ранних лет. Кроме того, много общего у обеих писательниц можно найти: в переживании материнского комплекса (Sharp, 1998, 88–91); в различных способах решительного противостояния (чаще неравного, но иногда и победного) туберкулёзу, угрожавшему жизни близких людей (а в случае Леси Украинки – также и её собственной); в культе неразделённой жертвенной любви. Наконец, обе писательницы по-новаторски осваивали в своих произведениях вечные сюжеты и мотивы европейской литературы (античные, рыцарские и др.), а также темы отечественной истории и фольклора и пр. Очерченная проблематика ожидает своего изучения как минимум в цикле статей, а то и в отдельной монографии. Настоящая работа представляет собой первый шаг в данном направлении.

Земной путь украинской и русской писательниц был сравнительно недолгим (соответственно 42 года и 48 лет), а смерть – безвременной. При этом «пограничные» мотивы дня рождения и дня перехода в иной мир самоотжественной лирической героини осмысливаются в творческом наследии каждой из них. Эти фундаментальные мотивы и стали объектом предлагаемого исследования, в котором комплексно использованы возможности компаративного и психобиографического анализа.

Особенность избранной теоретико-методологической стратегии обуславливается необходимостью привлечения источников, которые репрезентируют инварианты нарратива творческой личности, жившей и реализовавшей своё литературное призвание в эпоху модернизма. Необходимо, однако, учесть, что отношение к подобным источникам (письмам, воспоминаниям и т. п.) у самих писательниц было диаметрально противоположным.

В случае Леси Украинки, чьё имя в контексте национальной культуры стоит в одном ряду с именами Тараса Шевченко (1814–1861) и Ивана Франко (1856–1916), представление об упомянутом нарративе даёт обширное исследование младшей сестры писательницы Ольги Косач-Кривинюк (1877–1945) *Леся Українка: хронологія життя і творчості / Леся Українка: хронология жизни и творчества*, изданное в 1970 г. в Нью-Йорке. Как подчёркивает Тамара Гундорова, сестра Ольга «пишет с перспективы уже прожитой жизни Леси Украинки, зная её судьбу, т. е. в свою хронологию вносит элемент агиографический, свойственный повествованиям о житиях святых». При этом не упускается из виду, что сама «Леся Украинка в принципе протестовала против “автобиографомании”» и «не раз восставала против выискивания биографического [элемента] в её произведениях» (Гундорова, 2022, 112, 15, 14). Например, в письме к Надежде Кибальчич (1878–1914) от 28.09–5.10.1909 г. она заявляет: «Вообще я предпочитаю, чтобы моя личная жизнь, как жизнь образцовой римской матроны, была “свету” неизвестна» (*Листи Лесі Українки*). И тем не менее, даже такая решительная – на уровне сознательного волеизъявления – ставка писательницы на свою библиографию (!), а не биографию (!) парадоксальным образом обернулась весьма мощным «мифогенным»² фактором, создавая по существу некое *пространство умолчания*, потенциально не выносящее пустоты, а отсюда чреватое не всегда предсказуемым заполнением. И это при том, что на бессознательном уровне творческого самовыражения каждый автор, как правило, так или иначе спонтанно проговаривается о самом сокровенном³. Цветаева же как беспрецедентная представительница

2 Дериваты многозначного понятия «миф» и само это понятие здесь и далее употребляются в смысловом контексте одного из центральных постулатов юнгианской аналитической психологии: „мифы – в первую очередь психические явления, выражающие глубинную суть души” (Юнг, 1991, 99). См. также: Sharp, 1998, 105.

3 Ср.: «в стихах – всё о себе». Этот афоризм, (ныне довольно известный, хотя первоначально и не произнесённый вслух), возник в сознании Ахматовой во время первой встречи с Цветаевой в Москве «в июне 1941 года, на пороге войны» (Лосиевский). Анна Саакянц (1932–2002) датирует эту встечу 7 июня, замечая: «содержание беседы, длившейся несколько часов (Цветаева пришла днём),

литературы русского Серебряного века: «Одна из всех – за всех – противу всех!»⁴, – прежде всего сама в стихах и прозе как сознательно, так и бессознательно создавала свой индивидуально-авторский «образ (...) трагического поэта-романтика, который ещё в детстве был “изгоем”, чуть ли не отверженным»⁵.

Обе писательницы были современницами, соответственно старшей и младшей по отношению одна к другой. Даты их рождения во времени разделяют 21 год, 7 месяцев и 13 дней. К моменту, когда в середине осени 1892 г. Марина пришла на свет, Ларисе Косач, которая была всего на три года моложе её матери (Марии Александровны Цветаевой, урождённой Мейн, 1868–1906), шёл 22-й год, она получила солидное домашнее образование и в совершенстве овладела несколькими иностранными языками. Произошёл ряд важных событий её жизни и наметились приоритетные направления творческой активности. Стихи, подписанные псевдонимом «Леся Українка», начиная с 1884 г., периодически печатаются в галицких журналах, сборниках и альманахах. В начале 1892 г. завершена работа над рукописью первого поэтического сборника *На крилах*

осталось навеки тайной» (Саакянц, 1999, 720). В зеркале ахматовского афоризма особенно показательно выглядит самое первое в жизни Ларисы Косач стихотворение *Надія / Надежда* (1880), которое начинается и кончается словами: «Ні долі ні волі у мене нема, / Зосталася тільки надія одна» (Українка Леся, 1994, 34). Будучи *de facto* исполненным глубокой эмпатии откликом впечатлительной и не по годам зрелой 8-летней девочки на известие о ссылке её тётки-революционерки Елены Антоновны Косач (в замужестве Тесленко-Приходько, 1845–1927), которую она, по словам сестры Ольги, «очень любила и уважала» (см. фрагмент *Спомини й уваги до 1879 року / Воспоминания и замечания к 1879 году* (Косач-Кривинюк, 1970)), эта лирическая миниатюра, написанная в форме монолога от 1-го лица, в целостном контексте психобиографии поэтессы прочитывается как пророчество её собственной трагической судьбы.

4 Строка из стихотворения Цветаевой *Роландов рог* (март 1921). См.: Цветаева, 1988, т. 1, 140.

5 См. комментарий Саакянц в: Цветаева, 1988, т. 2, 419. Ср. характерную формулировку Дианы Льюис Бургин: «Собственное трагическое мифотворчество Цветаевой» (Бургин). Ср. также: «Для Цветаевой быть поэтом – это быть изгоем, лишним, быть вне времени, быть причастным к тайнам бытия. Быть поэтом – это и дар, и тяжёлая ноша» (*Анализ стихотворения «Красною кистью рыбина зажглась...»* (М. И. Цветаева)).

пісень⁶ / *На крыльях песен*, и в этом же году опубликованы 92 украиноязычных перевода из гейневской *Книги песен*⁷ (1827). Несколькими годами ранее, в 1890 г. для младшей сестры Ольги написан учебник *Стародавня історія східних народів / Древняя история восточных народов*, изданный после смерти писательницы в 1918 г. в Катеринославе. Ведётся интенсивная и глубоко содержательная корреспонденция со знаменитым дядей по материнской линии Михаилом Драгомановым (1841–1895), выдающимся общественным и культурным деятелем, философом и учёным, находившимся в политической эмиграции. Наконец, в 1891 г. состоялась первая поездка в Европу, оказавшая существенное влияние на расширение мировоззренческих, общественно-политических и культурно-эстетических горизонтов молодой писательницы, сознательно избравшей модернистскую парадигму творческого развития.

Все упомянутые события совпали с первым десятилетием отчаянного противостояния тяжёлой болезни, начавшейся 18 января 1881 г. и продолжавшейся до самой Лесиной смерти⁸. Недаром «болезнь считают одним из признаков писательской биографии Леси Украинки», которая «много чего изменит в жизни писательницы» и окажет влияние «не только на судьбу, характер, но и на творчество Ларисы Косач. (...) Болезнь писательницы не только задокументирована в фактах, свидетельствах и письмах, но и превратилась в миф» (Гундорова, 2022, 8, 31, 12, 17).

По логике мифа, неизлечимая болезнь как одно из многочисленных злключений судьбы Леси связывается с «несчастливым» днём её рождения – 13 февраля по старому стилю⁹. В хронологических

6 Книжка была опубликована во Львове в следующем 1893 г. и запрещена царской цензурой в ходе её пересылки в Российскую империю (Мірошніченко, 1994, 115–120).

7 См.: *Книга пісень Генріха Гейне*. Переклад з німецької Лесі Українки і Максима Стависького [Славінського – И. Б.]. Передмова Олени Пчілки. Львів: 3 друкарні Товариства ім. Шевченка, 1892. На основании переписки Леси Украинки работа над этими переводами датируется приблизительно 1888–1890 гг. (*Листи Лесі Українки*).

8 См. фрагмент *Історія її хвороби / История её болезни* (Гундорова, 2022, 12–38).

9 По новому стилю соответствует 25 (26) февраля.

записях за 1871 г. Косач-Кривинюк свидетельствует: «То, что Леся родилась 13 февраля 1871 [г.], помнили и она сама, и родители, и все мы. Это “несчастливое” 13-ое вспоминалось всегда и тогда, когда сама Леся или кто-то иной говорил о том, как она неудачлива» (Косач-Кривинюк, 1970; см. также: Зборовська, 2002, 18; Гундорова, 2022, 17). Именно этим иррациональным психо-символическим мотивом задаётся трагическая линия жизнеописания Леси Украинки. Не случайно в письме к Ольге Кобылянской (1863–1942) от 26.02.1902 г. она признавалась: «сегодня “торжественный” день моей годовщины. Сегодня мне исполнился 31 год. Этот день всегда какой-то неприятный, потому что [я] невольно оглядываюсь назад, “на путь минувший” и... в конце концов, не стоит разводиться на эту тему, ведь всё равно не поможет» (*Листи Лесі Українки*).

Особым сакральным ореолом горькой судьбы овевял также и день прихода на свет Цветаевой – 26 сентября по старому стилю¹⁰, о котором дважды упоминается в цикле *Стихи о Москве* (1–9). Мотив рождения лирической героини (в данном случае тождественной автору) задаётся ближе к концу цикла – в двух первых строках второй строфы 7 текста (*Семь холмов – как семь колоколов!*..., 8 июля 1916 г.): «В колокольный я, во червонный день / Иоанна родилась Богослова» (Цветаева, 1988, т. 1, 56), – получая широкое развитие в финальном 9 стихотворении, датированном 16 августа 1916 г.:

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

10 По новому стилю соответствует 8 (9) октября.

Мне и доньне
 Хочется грызть
 Жаркой рябины
 Горькую кисть (Цветаева, 1988, т. 1, 57).

Этому стихотворению, исполненному глубокого лиризма и философской символики как в плане содержания, так и формы, поэсса придавала исключительное значение¹¹. Оно вовсе не случайно было создано в 1916 г. – в этом удивительном году «рождения настоящей Цветаевой» (Саакянц, 1999, 105), который обозначил рубеж её творческой зрелости¹². Выдержанное в торжественно-приподнятой эмоциональной тональности, в жанрово-стилистическом плане оно представляет собой оду, повествующую о необычном дне прихода на свет уникального поэта. Написана же эта миниатюра в преддверии 24-й годовщины рождения автора и содержит – немаловажное совпадение – 24 значимых слова¹³.

Упомянув о дне своего рождения в 9 тексте *Стихов о Москве* и в двух письмах¹⁴, Цветаева органически объединяет мотивы субботы

11 См.: «Вот одни из моих самых любимых, самых моих стихов», – признавалась Цветаева в письме Юрию Иваску (1907–1986) от 12 мая 1934 г. (*Письма, документы Цветаевой*). С процитированным авторским признанием ассоциируется также высокосuggestивная рифма: *рябина – Марина*, – которая, не будучи реализована непосредственно на уровне текста, латентно присутствует в подтексте.

12 В личной жизни Цветаевой 1916 г. также сыграл важную роль, будучи исполнен бурных страстей и головокружительных трансформаций. Она, среди пр., окончательно разрывает отношения с Софией Парнок (1885–1933); на высоком эмоционально-лирическом подъёме переживает встречи с Осипом Мандельштамом (1891–1938), Тихоном Чурилиным (1885–1946) и др.; возвращается к мужу Сергею Эфрону (1893–1941) и ожидает прихода на свет их второго ребёнка (вместо сына, о котором Марина *иступлённо мечтает*, в апреле следующего года родится дочь Ирина Эфрон, 1917–1920). Таков экстралитературный контекст книги стихов 1916 г. *Вёрсты*, которая выйдет в 1922 г. См. главу *Вёрсты одного года (1916)* (Саакянц, 1999, 75–106).

13 Фактически в этом стихотворении, кроме 24 значимых, есть ещё одно служебное слово – союз «и» в первой строке третьей строфы: «Мне и доньне».

14 Ср. в письмах Иваску от 3 апреля 1934 г.: «я (...) родилась ещё в прошлом веке (26-го сентября 1892 г., ровно в полночь с субботы на воскресенье, в день Иоанна Богослова, у меня об этом есть стихи», – и Анатолию Штейгеру

и православного осеннего праздника. Этот первый (особенно в сочетании с тревожным образом-символом *горькой кисти* «жаркой рябины», выведенным на фоне сезонного умирания природы: «Пали листья») по мифо-типологической значимости вполне сопоставим со зловещим нарративом *несчастливого 13-го числа* в судьбе Леси Украинки¹⁵ (тем более, что количественно-качественная символика числа «26» представляет собой очевидное удвоение изначально зловещего «13»: $26=13+13$). Подчёркивая, что Марина «романтически ощущала (...) свою причастность (...) к субботе», а также учитывая целостный контекст её жизни и творчества, Саакянц пишет:

С субботой у поэта отношения особые, сложные. Суббота, за которой никогда не наступит воскресенье. Не будет дня, который человек посвятит Богу. Не будет дня Воскресения из мёртвых. Не будет, наконец, просто дня, когда человек отдохнёт от трудов. И – главное: суббота – канун, за которым никогда не последует свершение (...) Так уж была устроена Марина Цветаева, ценившая и придававшая значение только канунам, а не свершениям, мечте, а не осуществлению её... (...) Приверженность к субботе для Цветаевой означала также протест, бунтарство против общепринятых и общеисполняемых “приличий”, против всего, что – “как у всех”¹⁶ (Саакянц, 1999, 102, 103).

Разветвлённую символику субботы (когда Спаситель почил во гробе) существенно дополняет неразрывно связанная с этим днём

(1907–1944) от 15 сентября 1936 г.: [Приписка на полях] «А рождение моё – 26-го русского сентября – день Иоанна Богослова – с субботы на воскресенье – полночь» (*Письма, документы Цветаевой*).

15 Существенная деталь – хотя 13 февраля по ст.ст. православная церковь чтит память довольно большой группы святых, в связи с днём рождения старшей сестры Косач-Кривинюк никого из них не упоминает. Сообщает только о крещении новорожденной, приводя подробности, нейтральные в психо-символическом плане: см. материалы за 1871 г. (Косач-Кривинюк, 1970).

16 Ср. фразу из письма Цветаевой к Иваску от 12 мая 1934 г.: «я приобщила себя субботе, кануну, концу» (*Письма, документы Цветаевой*). Ср. также фразу из очерка *Мой Пушкин*: «мой великий канун, за которым никогда не наступил – день» (Цветаева, 1988, т. 2, 323).

недели народно-православная традиция поминовения умерших. Помимо того, в 1892 г. согласно церковному календарю именно в субботу выпало 26 сентября по ст.ст., когда отмечается преставление (мирная кончина) Иоанна Богослова¹⁷. К данному смысловому полю тяготеют рефлексии о смерти лирической повествовательницы, которые, как минимум, трижды возникают в *Стихах о Москве*¹⁸. Над мотивами *за упокой*, однако, окончательно доминирует сообщение автора о факте собственного рождения, звучащее как заключительный жизнеутверждающий аккорд *за здравие*.

Подобная расстановка психо-экзистенциальных акцентов жизни и смерти в цветаевском цикле позволяет рассматривать его в общем типологическом ряду с одним из шедевров Леси Украинки – лиро-философской медитацией 1890 г. *Contra spem spero!* (лат.: Без надежды надеюсь!). Одним из источников, вдохновивших юную поэтессу на его создание, по словам Мыколы Жарких, стало стихотворение польской писательницы Марии Конопницкой (1842–1910) с тем же заглавием – *Contra spem spero*. Леся могла с ним познакомиться по двум публикациям – в варшавском журнале „Świt” (1884) и в 3-м томе стихотворений Конопницкой (1887). Его парадоксально-афористический заголовок генетически восходит к 18-му стиху 4-й главы Послания св. апостола Павла к римлянам в латиноязычной версии Нового Завета (Вульгата): «*Qui [Abraham]*

17 Память св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова (1–11 – ок. 101) православная церковь в течение календарного года чтит трижды; первые две даты приходятся на 8 (21) мая и 30 июня (13 июля).

18 Упомянутые аспекты завершают 1 (*Облака – вокруг...*, 31 марта 1916): «Мне же вольный сон, колокольный звон, / Зори ранние – / На Ваганькове» (Цветаяева, 1988, т. 1, 53), – и 7: «Провожай же меня весь московский сброд, / Юродивый, воровской, хлыстовский! / Поп, крепче позаткни мне рот / Колокольной землёй московскою!», – тексты цикла, тогда как 4 (*Настанет день – печальный, говорят!...*, 11 апреля 1916, 1-й день Пасхи) представляет собой развёрнутую рефлексивную визуализацию похорон автора. Загадочной и символически многозначной темой ухода автора к нему примыкает 6 стихотворение (*Над синевую подмосковных роц...*, Троицын день, 1916). Мотив смерти поэта в цветаевской лирике 1916 г. охватывает также циклы *Стихи к Блоку и Ахматовой*, где при его посредстве *осмысливаются судьбы поэтов живых и любимых* автором. Ср.: Саакянц, 1999, 86, 91–92.

contra spem in spem credidit» / «Он [патриарх Авраам], против надежды надеявшись, уверовал» [Рим. 4:18] (Жарких).

Тем временем целостный контекст стихотворения Леси, в котором она сформулировала своё жизненное кредо, и который отразил парадигмы её психобиографии, побуждает рассматривать титульный афоризм, ставший крылатой фразой, также и как результат глубинного индивидуально-творческого переосмысления известной латинской пословицы: *dum spiro, spero* (пока дышу, надеюсь)¹⁹. По определению автора, это произведение *безнадійно-надійне*²⁰ (укр.: *безнадёжно-обнадёживающее*). Датированное 2-ым мая 1890 г., оно создавалось в крайне трудной ситуации испытания силы духа девятнадцатилетней Леси, изнуряемой очередным обострением болезни²¹. Превозмогая физические страдания и чувство отчаяния, лирическая героиня (тождественная автору, как и в случае Цветаевой) отважно бросает вызов всем многочисленным превратностям

19 Широкое поле интертекстуальных ассоциаций, порождаемое рассматриваемым стихотворением, актуализирует ещё одну латинскую пословицу: *mens sana in corpore sano* / в здоровом теле здоровый дух. Лесья «понимает, что здоровый дух требует здорового тела (...) однако, неполных 18-ти лет, уже вступает на иной путь, тот, на котором творчество и болезнь неотделимы друг от друга. Следовательно, ей придётся на собственном опыте опровергнуть классическую латинскую мудрость о здоровом духе в здоровом теле» (Гундорова, 2022, 42). Несколько ранее Гундорова цитирует показательную в этом проблемном ракурсе фразу Любови Гощинской, протагонистки психологической драмы Леси Украинки *Блакитна троянда / Голубая роза* (1896): «Только больной человек является человеком» (Гундорова, 2022, 17). Ср. более поздний по времени афоризм Франко (из сб. *Давне й нове / Старое и новое* (Львів, 1911): 3. *Парентікон: 41. Строби: 49*. «В здоровому тілі здорова душа, / Та часто буває не варта гроша. / В улоному тілі буває душа, / Що красою світ весь і Бога втіша!» (Франко, 1976, 205).

20 См. письмо Леси Украинки к старшему брату Михайлу Косачу (1869–1903) от 30.05.1890 г. (*Листи Лесі Українки*).

21 По совету киевского врача, в течение восьми недель (с конца марта до середины мая 1890 г.) Лесе делали т. наз. «вытяжение». Мучительная лечебная процедура заключалась в следующем: поражённая туберкулёзным процессом «нога забинтована и её оттягивает в больном суставе вдоль с помощью блоков гиря 9-ти фунтов». См. материалы за 1890 г. (Косач-Кривинюк, 1970). Ср. также мотивы *сизифова камня* и *двухмесячного* «лежания в липких кандалах» в письме Леси к брату Михайлу от 30.05.1890 г. (*Листи Лесі Українки*).

своей злой судьбы, заданным на жизненном старте зловещим символом «несчастливого» дня рождения:

Гетьте, думи, ви, хмари осінні!
Тож тепера весна золота!
Чи ж то так у жалю, в голосінні
Проминуть молодії літа?

Ні, я хочу крізь сльози сміятись,
Серед лиха співати пісні,
Без надії таки сподіватись,
Жити хочу! Геть думи сумні!²² (Українка Леся, 1994, 19).

В следующих строфах при посредстве подобных оксюморонно-антитезных символических парадигм разворачивается панорама испытаний, можно сказать, мифо-инициального порядка. Лирическая героиня на морозе сеет цветы в бесплодную землю и поливает их своими горячими слезами в надежде растопить ледяной панцырь, взрастит цветы и приблизит приход весны. Поднимая на крутую кремнистую гору тяжёлый камень, она поёт весёлую песню, а в кромешной тьме долгой ночи, не смыкая глаз ни на миг, неутомимо ищет путеводную звезду. В очерченном типологическом контексте цветаевское, условно говоря, *contra spem spero* ассоциируется со специфическим «причащением» *кистью жарко-красной* «горькой рябины», лаконично символизирующим сознательное принятие бытия со всеми его страстями и горестями автором, пришедшим на свет под праздничный перезвон «сотни» церковных колоколов, спорящих между собой за душу новорождённой.

В рассматриваемых стихах, безусловно, отражён весьма непохожий экзистенциальный опыт молодых писательниц, одной из которых было 19 лет, а другой 23 года на момент их создания. Во многом

22 Вторая строфа с необходимыми модификациями, обусловленными динамикой лирического сюжета и ещё более подчёркивающими центральную идею, повторяется в конце произведения (с. 20) и как рефрен завершает его, образуя характерную рамочную (кольцевую) конструкцию.

разным было и отношение каждой из них к перспективе собственной смерти. Переживания Леси, страдающей неизлечимой болезнью, при которой постоянная угроза жизни была чем-то вполне реальным, носят подлинный характер. Саму же проблему решительного противостояния смерти она представляет как бы изнутри не только своей души, но и тела, вписывая её в контекст центральной идеи произведения:

Я не дам своему серденьку спати,
Хоч кругом буде тьма та нудьга,
Хоч я буду сама почувати,
Що на груди вже смерть наляга.

Смерть наляже на груди важенько, –
Світ застеле суворая мгла,
Але дужче заб'ється серденько, –
Може, лютую смерть подола.

Так! я буду крізь сльози сміятись,
Серед лиха співати пісні,
Без надії таки сподіватись,
Буду жити! Геть думи сумні!

Жизни Цветаевой в её молодые годы (в отличие от Леси Украинки) никакая смертельная болезнь не угрожала, а она сама «недаром называла своё здоровье железным: имела крепкое сердце, была неутомимым пешеходом, не знала усталости, спала мало» (Саакянц, 1999, 65). Поэтому один из источников её рефлексий о своей смерти, думается, следует искать в травматическом психо-эмоциональном опыте, связанном с безвременной потерей людей, близких по крови и по духу²³, память о которых невольно возбуждала мысли также

23 За несколько лет до 1916 г. Цветаева потеряла отца Ивана Цветаева (1847–1913) и деверя Петра Эфрона (1883–1914), в которого была влюблена. В 13 лет лишилась матери, а годом ранее – старших друзей детства Сергея (1881–1905) и Надежды (1882–1905) Иловайских. В 6-летнем возрасте Муся сознательно

и о неизбежности собственной кончины. Среди более ранних примеров можно вспомнить стихотворения 1913 г. *Идѣшь, на меня похожий...* (3 мая) и *Уж сколько их упало в эту бездну...* (8 декабря). Первое стилизовано в духе развёрнутой монологической автоэпитафии, обращённой к случайному путнику, проходящему мимо воображаемой могилы лирической повествовательницы. Адресатом же второго выступает фактически всё человечество – *вы все*: «чужие и свои», к которым автор обращается «с просьбой о любви» не только за свою неповторимую творческую индивидуальность, но и за тот всеобщий итог, который неизбежен для каждого представителя рода человеческого: «Ещё меня любите / За то, что я умру» (Цветаева, *Все стихотворения*).

В первых двух строфах стихотворения *Уж сколько их упало в эту бездну...* слышны мотивы *печального дня исчезновения* самотождественной лирической героини «с поверхности земли» и *застывания* её естества – *всего*, «что пело и боролось, / Сияло и рвалось», к которым Цветаева через три года вновь обратится в 4 тексте *Стихов о Москве (Настанет день – печальный, говорят!..)*, где, как и в Лесином *Contra spem spero!*, звучит пафос протеста против смерти. Здесь автор, визуализируя полномасштабный сценарий свершаемого над ней погребального обряда, смотрит на всё происходящее как бы со стороны, разотождествляясь со своим мёртвым телом и последовательно фиксируя внимание на разных его фрагментах: *остуженных* «чужими пятаками» *глазах, лёгком лице* и «руке, которой больше нет»²⁴ (Цветаева, 1988, т. 1, 54).

пережила смерть любимого дедушки по материнской линии Александра Мейна (1836–1899). Тягостное чувство ранней утраты было известно и юной Лесе. Из числа знакомых ей детей она «чаще всего вспоминала с тёплой любовью и глубокой печалью девочку Броню Завадскую, у которой был порок сердца, из-за чего она ни бегать, ни как-то живее играть не могла и очень рано умерла. Это было, кажется, самое первое большое горе в жизни Леси, потому что она очень любила Броню». См.: *Звягельський період Лесиного життя (13.02.1871 – перша половина 1879) / Звягельський період Лесиного життя (13.02.1871 – перша половина 1879)* (Косач-Кривинюк, 1970).

24 По мнению Андрея Ранчина, «Особенностью стихотворения *Настанет день – печальный, говорят!..* является оппозиция двух тел «я» [т. е. живого

Рассматриваемый цветаевский текст ещё выразительнее перекликается со стихотворением Леси Украинки *Чи пам'ятаєте, коли я говорила... / Вы помните ль, когда я говорила...* (30.11.1900). Авторы этих двух произведений, независимо друг от друга, рассуждают на тему собственных похорон, сопровождая свои рефлексии иронически-горькими замечаниями. Как и Цветаева впоследствии, Леся мысленно обращается к роковому дню перехода в иной мир, в связи с чем выражает свою посмертную волю: «Якби мені знаття, / Коли я вмру, я б заповіт зробила, / Аби з музикою, що люба за життя, / Мене ховали». Такое небанальное завещание с традиционной точки зрения выглядит весьма экстравагантно, что провоцирует насмешливую реакцию собеседников лирической героини: «Ви б, може, й танцювать примусити хотіли / На ваших поминках приятелів своїх?». Полное отсутствие взаимопонимания с их стороны решительно снижает обсуждение серьёзной экзистенциальной проблемы до уровня пустой светской болтовни: «І почалась балачка погребова...» (Українка Леся, 1975, т. 1, 264), – тогда как сокровенные мысли и чаяния писательницы, предлагающей свою позитивную индивидуально-авторскую альтернативу церковного погребально-го обряда, остаются скрытыми в глубинах её исстрадавшейся души.

Отсутствие человеческого взаимопонимания не менее остро переживает и лирическая повествовательница Цветаевой. Об этом свидетельствует её монолог, обращённый к условно воображаемой группе лиц, пришедших проводить *новопреставленную* в последний путь:

На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу – впервые.

и мёртвого – И. Б.], при этом ни одно из них не наделяется однозначными оценочными смыслами. Утрата героиней в смерти страстности также лишена однозначной оценки (...), и конфликтом смыслов охвачен план содержания» (Ранчин). Вследствие указанной неоднозначности текст приобретает характер несколько умозрительный и не лишённый стилизаторской позы. В статье Ранчина см. также обширную библиографию исследований данного стихотворения Цветаевой.

(...)

По улицам оставленной Москвы

Поеду – я, и побредёте – вы.

И не один дорогою отстанет (Цветаева 1988, т. 1, 54, 55).

Традиционный обряд церковного погребения откровенно тяготит обеих писательниц, выступая предметом довольно специфической (само)иронии. «Моя душа не буде “со святыми”, / Не буде “вічна пам’ять” по мені, / Чужі мені пісні з словами тими / І дзвони сі, потвори мідяні», – признаётся Леся Украинка. Тем временем в цветаевском тексте ирония переходит в сарказм, достигая эмоционального апогея: «И ничего не надобно отныне / Новопреставленной болярыне Марине».

Текст Цветаевой в целом однороден в плане самодостаточности лирического субъекта и его безапелляционного неприятия событий, связанных с воображаемым погребением. Тем временем финальный фрагмент стихотворения Леси Украинки выказывает отнюдь не эгоцентрическую интенцию и раскрывает ясно выраженную альтруистическую перспективу, отражая при этом сложную гамму интимно-личных переживаний, обуславливающих суггестивный подтекст рефлексий лирической героини: «Та що ж, нехай не зрушу я нічого, / Зірвавшись в безодню забуття, / Аби не ранила так смерть моя нікого, / Як ранило мене моє життя»²⁵.

25 В период создания цитируемого текста Леся Украинка рвалась душой к своему другу Сергею Мержинскому (1870–1901), который умирал от туберкулёза и был самой большой любовью её жизни. В датированном тремя днями ранее письме к сестре Ольге (от 27.11.1900) Леся сообщает: «От С[ергея] К[онстантиновича] очень плохие вести, он ослаб до крайности (...), чуть ли не каждый день млеет от упадка сил, кашель ещё [пуще] усилился. (...) Я рада бы с ним быть теперь, но это никак невозможно (...) Вот проклятая судьба!». Ср. фразу из написанного в тот же день (27.11.1900) письма к Кобылянской: «чёрный мир вокруг меня» (*Листи Лесі Українки*). Этот воистину драматический экстралитературный контекст в ноябре 1900 г. вызвал к жизни целый каскад шедевров Лесиной интимной лирики. Его открывает стихотворение в прозе *Твої листи завжди пахнуть зов’ялими трояндами... / Твої письма всегда пахнут увядшими розами...* (7.11.1900), а завершает возвышенный трагический финал *Завжди терновий вінець... / Всегда*

Тема смерти вдохновляла обеих писательниц на протяжении всего творческого пути, отражая не только глубокий трагизм мировосприятия, но и внутреннюю силу каждой из них, позволяющую превозмогать свои человеческие страдания, вербализируя духовный опыт в эстетически совершенных литературных текстах. Когда 1 августа 1913 г. Леся Украинка закончила своё земное существование, окончательно проиграв неравную *тридцатилетнюю войну* с туберкулёзом²⁶, перед Цветаевой оставалось ещё 28 лет жизни, исполненной творческих взлётов и жесточайших испытаний, ставшей в конце концов невыносимой и оборванной по собственной воле 31 августа 1941 г. Как пишет Саакянц, у Цветаевой «всю жизнь был роман со смертью, с небытием, с запредельностью, которые отпугивали, но чаще – манили» (Саакянц, 1999, 733).

Компаративный психобиографический анализ фундаментальных мотивов дня рождения и смерти автора, проделанный на материале избранных лирических и эпистолярных текстов Леси Украинки и Цветаевой, раскрывает интригующую панораму типологических параллелей объективного и субъективного характера в контексте жизни и творчества двух выдающихся представительниц литературы европейского модернизма. Это наблюдение представляет несомненный познавательный интерес, тем более что украинская и русская писательницы не знали о существовании друг друга. Взаимная же конфронтация затронутых аспектов позволяет увидеть исходные факты в новом свете, проясняя скрытые в них смыслы. Помимо того, интерпретация «пограничных» мотивов, обозначающих начало и конец жизненного пути автора, которым Леся Украинка и Цветаева придавали огромное значение, подготавливает почву для дальнейшего исследования широкого круга типологических параллелей, прослеживающихся в творческом сознании и отражённых в художественных произведениях каждой из них.

терновый венец... (записанный на том же листе, что и черновой автограф стихотворения *Чи пам'ятаєте, коли я говорила...*; оба 30.11.1900).

²⁶ Ср. в письме к сестре Ольге от 8.08.1912 г.: «Уж и возраст мой таков, что организму становится труднее бороться, – ведь это настоящая “30-летняя” война его с туберкулёзом! Пора когда-нибудь и утомиться» (*Листи Лесі Українки*).

Литература

- Анализ стихотворения «Красною кистью рябина зажглась...» (М. И. Цветаева). Сайт Литрекон. <https://litrekon.ru/analiz-proizvedenij/krasnoyu-kistyu-ryabina-zazhglas-m-i-tsvetaeva/> (16.04.2024).
- Бетко, І. (2000). *Біблейські мотиви в любовній поезії Лесі Українки і Анни Ахматової (попытка сравнительно-типологической характеристики)*. В: *Біблейські мотиви в російській культурі та літературі*. Ред. Ч. Андрушко, Познань: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, с. 61–66.
- Бургин, Д. Л. (1999). *Мать-природа против амазонок: Марина Цветаева и лесбийская любовь*. Перев. с англ. С. И. Сивак. Сайт Живое слово. www.ndolya.ru/zhslovo/sv/tsv/?r=burgin&id=2 (16.04.2024).
- Гундорова, Т. (2022). *Книги Сивилли*. Харків: Vivat.
- Жарких, М. (2011). *Леся Українка і Польща*. www.l-ukrainka.name/uk/Studies/Polska.html#Конорницька. (12.07.2024).
- Зборовська, Н. (2002). *Моя Леся Українка: Есей*. Тернопіль: Джура.
- Косач-Кривинюк, О. (1970). *Леся Українка: хронологія життя і творчості*. Ред. і передм. П. Одарченко. Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук, видавнича спілка «Гомін України». www.l-ukrainka.name/uk/Studies/Kryvynjuk/Chronology/1872.html (16.04.2024).
- Листи Лесі Українки*, www.l-ukrainka.name/uk/Corresp.html (16.04.2024).
- Лосиевский, И. Я. (1996). *Анна Всея Руси. Фрагмент гл. 6*. Сайт Омилія. <https://omiliya.org/article/anna-vseya-rusi-fragment-gl6-igor-losievskiy> (16.04.2024).
- Мірошниченко, Л. П. (1994). *До історії видання поетичної збірки Лесі Українки «На крилах пісень»*. В: Українка Леся. *На крилах пісень: Поезії*. Передм. Д. В. Павличка. Підготовка текстів, відтворення художнього оформлення Л. П. Гуцало. Післяслово, упорядкування витягів з листів та спогадів Л. П. Мірошниченко. Київ: Веселка, с. 115–120.
- Письма, документы Цветаевой*. Сайт Марина Ивановна Цветаева. <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/pisma/index.htm> (16.04.2024).
- Ранчин, А. М. *Духовное и телесное в стихотворении М. Цветаевой «Настанет день – печальный, говорят!»*. Портал Слово. <https://portal-slovo.ru/philology/46493.php> (16.04.2024).
- Саакянц, А. (1999). *Марина Цветаева. Жизнь и творчество*. Москва: Эллис Лак. www.libfox.ru/334677-anna-saakyants-marina-tsvetaeva-zhizn-i-tvorchestvo.html (16.04.2024).
- Українка, Леся. (1975). *Зібрання творів в 12 тт.* Т. 1. Київ: Наукова думка.
- Українка, Леся. (1994). *На крилах пісень: Поезії*. Передм. Д. В. Павличка. Підготовка текстів, відтворення художнього оформлення Л. П. Гуцало. Післяслово, упорядкування витягів з листів та спогадів Л. П. Мірошниченко. Київ: Веселка.
- Франко, І. Я. (1976). *Зібрання творів в 50 тт.* Т. 3. Київ: Наукова думка.

- Цветаева, М. *Все стихотворения*. Сайт Слова. [https://slova.org.ru/cvetaeva/\(06.01.2024\)](https://slova.org.ru/cvetaeva/(06.01.2024)).
- Цветаева, М. И. (1988). *Сочинения в 2 тт.* Вступ. ст. Вс. Рождественского. Сост., подготовка текста и ком. А. Саакянц, Минск: Народная асвета.
- Юнг, К. Г. (1991). *Архетип и символ*. Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевич, пер. с англ. и нем. и прим. В. М. Бакусев и др. Ред. Л. С. Чибисенков. Москва: Renaissance.
- [*Analizstihotvoreniâ* «Krasnoû kist' ûrâbina zažglas'...» (M.I. Cvetaeva). [https://litrekon.ru/analiz-proizvedenij/krasnoyu-kisty-u-ryabina-zazhglas-m-i-tsvetaeva/\(16.04.2024\)](https://litrekon.ru/analiz-proizvedenij/krasnoyu-kisty-u-ryabina-zazhglas-m-i-tsvetaeva/(16.04.2024))).
- Betko, I. (2000). *Biblejskie motivy v lûbovnoj poëzii Lesi Ukrainki i Anny Ahmatovoj (popytka sravnitel'no-tipologičeskoj harakteristiki)*. V: *Biblejskie motivy v russkoj kul'ture i literature*. Red. Ć. Andruško. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, s. 61–66.
- Burgin, D. L. (1999). *Mat'-priroda protiv amazonok: Marina Cvetaeva i lesbijskaâ lûbov'*. Perv. s angl. S.I. Sivak. Sajt Živoje slovo. www.ndolya.ru/zhslovo/sv/tsv/?r=burgin&id=2 (16.04.2024).
- Cvetaeva, M. *Vse stihotvoreniâ*. Sajt Slova. [https://slova.org.ru/cvetaeva/\(06.01.2024\)](https://slova.org.ru/cvetaeva/(06.01.2024)).
- Cvetaeva, M.I. (1988). *Sočineniâ v 2 tt.* Vstup. st. Vs. Roždestvenskogo. Sost., podgotovka teksta i kom. A. Saakânc. Minsk: Narodnaâ asveta.
- Franco, I. Â. (1976). *Zibrannâ tvoriv v 50 tt.* T. 3. Kiïv: Naukova dumka.
- Gundorova, T. (2022). *Knygy Sivilli*. Harkiv: Vivat.
- Kosač-Krvinûk, O. (1970). *Lesâ Ukraïnka: hronologiâ žittâ i tvorčosti*. Red. i peredm. P. Odarčenko. N'û-Jork: Ukraïns'ka Vil'na Akademiâ Nauk, vidavniča spilka «Gomîn Ukraïni». www.l-ukrainka.name/uk/Studies/Kryvynjuk/Chronology/1872.html (16.04.2024).
- Listi Lesi Ukrainki*. Sajt Lesâ Ukraïnka. Enciklopediâ žittâ i tvorčosti. www.l-ukrainka.name/uk/Corresp.html. (16.04.2024).
- Losievskij, I. Â. (1996). *Anna Vseâ Rusi. Fragment gl. 6*. Sajt Lesâ Ukraïnka. Enciklopediâ žittâ i tvorčosti. <https://omiliya.org/article/anna-vseya-rusi-fragment-gl6-igor-losievskiy> (16.04.2024).
- Mirošničenko, L.P. (1994). *Do istorii vidannâ poetičnoï zbirki Lesi Ukraïnki «Na krilah pisen'»*. V: Ukraïnka Lesâ. *Na krilah pisen': Poëzii*. Peredm. D.V. Pavlička. Pidgotovka tekstiv, vidtvorennâ hudožn'ogo oformlennâ L.P. Gucalo. Pišlâslovo, uporâdkuvannâ vitâgiv z listiv ta spogadiv L.P. Mîrošničenko. Kiïv: Veselka, c. 115–120.
- Nikadem-Malinowska, E. (1995). *Contra spem spero. Liryka intymna Lesi Ukrainki*. W: *W kręgu kultury ukraińskiej*. Red. W. Piłat, Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, c. 89–98.
- Pis'ma, dokumenty Cvetaevoj*. Sajt Marina Ivanovna Cvetaeva. <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/pisma/index.htm> (16.04.2024).
- Rančîn, A. M. *Duhovnoe i telesnoe v stihotvoreniï M. Cvetaevoj «Nastanet den' – pečal'nyj, govorât!»*. Portal Slovo. <https://portal-slovo.ru/philology/46493.php> (16.04.2024).

- Saakânc, A. (1999). *Marina Cvetaeva. Žizn' i tvorčestvo*. Moskva: Èllis Lak. www.libfox.ru/334677-anna-saakyants-marina-tsvetaeva-zhizn-i-tvorchestvo.html (6.04.2024).
- Sharp, D. (1998). *Leksykon pojęć i idei C. G. Junga*. Tłum. i wstęp J. Prokopiuk. Wrocław: Wydawnictwo Wrocławskie.
- Ukraïnka, Lesâ. (1975). *Zibrannâ tvoriv v 12 tt.* T. 1. Kiïv: Naukova dumka.
- Ukraïnka, Lesâ. (1994). *Na krilah pisen': Poezii*. Peredm. D.V. Pavlička. Pidgotovka tekstiv, vidtvorennâ hudožn'ogo oformlennâ L.P. Gucalo. Pislâslovo, upo-râdkuvannâ vitâgiv z listiv ta spogadiv L.P. Mirošničenko. Kiïv: Veselka.
- Ûng, K. G. (1991). *Arhetip i simvol*. Sost. i vstup. st. A.M. Rutkevič, perev. s angl. i nem. i prim. V.M. Bakusev i dr., nauč. red. L.S. Čibisenkov. Moskva: RENAISSANCE.
- Žarkih, M. *Lesâ Ukraïnka i Pol'sčã*. www.l-ukrainka.name/uk/Studies/Polska.html#Konopnicka (12.07.2024).
- Zborovs'ka, N. (2002). *Moâ Lesâ Ukraïnka: Esej*. Ternopil': Džura.]

- **IRYNA BETKO** – professor, habilitated doctor at the Institute of Literary Studies, University of Warmia and Mazury in Olsztyn. Research interests: Ukrainian and Russian literature of the 11th–21th centuries, archetypal criticism, literary comparative studies. Most important publications: *Біблійні сюжети і мотиви в українській поезії XIX – початку XX ст.*, 1999; *Українська релігійно-філософська поезія. Етапи розвитку*, 2003; *На шляхах духовної інтеграції. Глибиннопсихологічні, релігійно-філософські і ритуально-міфологічні мотиви в українській постмодерній прозі*, 2010; „*Души изменчивой приметы*”... *Избранные тексты украинской и русской классики в зеркале мифо-архетипического анализа*, 2016.